

Трубецкой Сергей Николаевич

Собрание сочинений

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Собрание сочинений: Том 4 / Трубецкой Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 464 с.

ISBN 978-5-519-77518-2

ISBN 978-5-519-77518-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

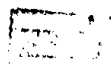
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кн. С. Н. Трубецкой.

УЧЕНИЕ О ЛОГОСѢ

ВЪ ЕГО ИСТОРІИ.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1906.

Печатаемая по постановленію Совѣта Императорскаго Московскаго университета, состоявшемуся 2 декабря 1906 г.

Ректоръ *А. Мануиловъ*.

Введение.

Понятіе Логоса связано съ греческой философіей, въ которой оно возникло, и съ христіанскимъ богословіемъ, въ которомъ оно утвердилось. Какимъ образомъ христіанство усвоило это понятіе для выраженія своей религіозной идеи и насколько оно въ дѣйствительности ей соотвѣтствуетъ — вотъ историческій и философскій вопросъ величайшей важности, которому посвящено настоящее изслѣдованіе. Греческое просвѣщеніе и христіанство лежатъ въ основаніи всей европейской цивилизаціи; каково внутреннее отношеніе этихъ двухъ началъ?

Въ наши дни въ новѣйшей протестантской исторіографіи постоянно приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, что раннее христіанское богословіе съ его ученіемъ о Логосѣ есть продуктъ эллинизации христіанства, его замутненія языческой стихіей, продуктъ своего рода православнаго греческаго гностицизма. Это мнѣніе высказывается въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ греческой философіи, въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ умозрѣнію вообще. И оно высказывается въ связи съ новѣйшимъ антидогматическимъ взглядомъ на христіанство, согласно которому оно есть нравственное ученіе по преимуществу, а евангеліе Христа есть лишь евангеліе совершенной морали, обнимающей отношенія человека къ Богу и ближнимъ.

Вѣрно ли такое пониманіе христіанства? Намъ кажется, что историческое изслѣдованіе идеи Логоса, которая проникаетъ уже въ первое и наиболѣе чистое выраженіе христіанства, въ Новый Заветъ, поможетъ намъ освѣтить этотъ вопросъ. И далѣе, справедливо ли отрицательное отношеніе къ греческой философіи, къ умозрѣнію вообще? Намъ могутъ замѣтить, что это уже вопросъ оцѣнки, который не можетъ быть рѣшенъ путемъ чисто историческаго изслѣдованія, а долженъ составлять предметъ самостоятельнаго философскаго обсужденія. Но, какъ мы думаемъ, лишь историческое изслѣдованіе можетъ дать матеріалъ и основаніе для правильной философской оцѣнки. Идея Логоса, всемірнаго, божественнаго Разума,

зародилась въ греческой философіи. И тѣмъ не менѣе, есть ли эта идея лишь результатъ отвлеченнаго умозрѣнія, которое произвольно гипостазируетъ разумъ, какъ свое начало, и, отправляясь отъ формальной всеобщности логическаго понятія, признаетъ универсальный Логосъ всеобщимъ божественнымъ началомъ міра? Есть ли эта идея Логоса лишь результатъ безпочвеннаго отвлеченія, или же она есть также результатъ реальнаго, духовнаго, нравственнаго опыта, пережитого и продуманнаго человѣчествомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны обратиться къ исторіи. Мы должны сперва рассмотреть идею Логоса въ ея возникновеніи въ связи съ развитіемъ греческаго умозрѣнія, а затѣмъ — тѣ главнѣйшіе факты, которые послужили основаніемъ для христіанскаго ученія о Логосѣ, т.-е. общую исторію Слова Божія, исторію богосознанія въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Въ этомъ состоитъ наша задача. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выполнить ее съ надлежащею тщательностью и полнотою, чтобы понять христіанскую идею и христіанское ученіе во всей ихъ оригинальности, во всемъ ихъ отличіи какъ отъ греческихъ идей, такъ и отъ національно-іудейскихъ вѣрованій и чаяній, мы должны будемъ, во-первыхъ, рассмотреть начатки богословской мысли въ религіозной философіи греко-римскаго періода, — въ особенности въ ученіи Филона александрійскаго, столь повліявшаго на послѣдующую патристику и впервые попытавшагося ввести идею Логоса въ истолкованіе Ветхаго Завѣта; а во-вторыхъ, прежде чѣмъ перейти отъ Ветхаго Завѣта къ Новому, мы должны будемъ рассмотреть религіозную атмосферу еврейства въ эпоху Спасителя, изслѣдовать мессіаническія чаянія еврейской апокалиптики и тѣ дѣйствительные начатки гностицизма, которые мы въ ней находимъ.

Отрицательное отношеніе къ умозрѣнію, смѣнившее собою крайнее увлеченіе отвлеченной философіей первой половины нашего вѣка, начинаетъ уступать мѣсто критическому изученію. Но все же, въ общемъ, господствуетъ недовѣріе и предубѣжденіе. Исторія философіи, исторія идей должна ихъ разсѣять, и безпристрастная мысль должна признать необходимость умозрительной философіи.

Идея Логоса несомнѣнно зародилась въ метафизикѣ, но съ тѣмъ высшимъ умозрительнымъ интересомъ, который представляетъ эта идея, несомнѣнно соединяется и практическій интересъ самаго глубокаго нравственнаго значенія. Имѣетъ ли какой-нибудь разумный смыслъ человѣческая жизнь, и если да, то въ чемъ онъ заключается?

Имѣть ли разумный смыслъ и разумную цѣль вся человѣческая дѣятельность, вся исторія человѣчества и въ чемъ этотъ смыслъ или цѣль? Имѣть ли, наконецъ, разумную цѣль весь міровой процессъ, имѣть ли смыслъ существованіе вообще? Это не умо-зрительные только вопросы, это самые важные практическіе, нрав-ственные вопросы. Положительная наука не можетъ и не берется ихъ рѣшать, но это еще не значить, чтобы они могли быть разрѣшаемы только вѣрою, безъ мысли. Ибо тамъ, гдѣ спрашивается о цѣли нашей дѣятельности и о разумномъ смыслѣ нашего существо-ванія, тамъ разумъ имѣетъ голосъ.

Всякая разумная, сознательная человѣческая дѣятельность за-ключаетъ въ себѣ подразумеваемое утвержденіе скрытой цѣли человѣческаго бытія, молчаливое признаніе того, что это бытіе имѣетъ положительный смыслъ и цѣль для меня или для дру-гихъ — цѣль, достойную желанія. Безъ такой цѣли бессмыслена жизнь всѣхъ и каждого, бессмысленна исторія, бессмысленъ самый нашъ разумъ, какъ случай всеобщей бессмыслицы и какъ одно изъ средствъ для поддержанія нашего бессмысленнаго существованія. Безъ такой цѣли нѣтъ прогресса въ калейдоскопѣ явленій, въ эво-люціи міра и человѣка, нѣтъ добра и зла, нѣтъ никакихъ нормъ вообще, даже логическихъ нормъ, ибо для дѣятельности самого разума исчезаетъ разумное основаніе.

До извѣстной степени самъ человѣческій разумъ однимъ фак-томъ своего существованія протестуетъ противъ такого всеобщаго отрицанія разума. Я мыслю, значить есть смыслъ хотя бы въ моемъ мышленіи, есть разумно-обоснованная дѣятельность хотя бы въ сферѣ моей личной жизни. Но, спрашивается, что значить мой разумъ и какое мѣсто занимаетъ онъ въ общей природѣ вещей? Есть ли онъ лишь случай всеобщаго неразумія, дитя хаоса, случайно зародив-шееся въ опредѣленный моментъ мірового движенія, чтобы вновь угаснуть въ вѣчной ночи безсознательнаго, или же онъ есть отблескъ высшаго, вѣчнаго свѣта, безконечность котораго онъ отражаетъ въ своей формально-логической всеобщности? Есть ли разумъ начало и конецъ міра, или же — простой эпифеноменъ ничтожной части мірового движенія, незначительный и случайный эпизодъ без-сознательнаго и бессмысленнаго, механическаго процесса? Ясно, что это не простой вопросъ умозрѣнія, а жизненный вопросъ о судьбѣ человѣка и всего человѣчества.

Среди возрастающаго невѣрія нашихъ дней мы находимъ мало послѣдовательныхъ и безусловныхъ атеистовъ. Если вѣрующіе при-

знають *сущее, предвѣчное* Божество, то большинство современныхъ атеистовъ сознательно или безсознательно вѣрить въ человѣка или въ человечество какъ въ *Божество становящееся*. Многие современные мыслители, нѣмецкіе и французскіе, прямо высказывали такую вѣру; другіе, что то же самое, вѣрують въ *грядущее* царство Божіе безъ *настоящаго* Бога; большинство вѣруетъ въ прогрессъ, т.-е. не въ одну эволюцію, а въ поступательное движеніе человечества къ одной высшей разумной цѣли къ конечному идеалу блага. Безъ признанія такой цѣли нельзя говорить о поступательномъ движеніи, о прогрессѣ человечества, а признаніе такой высшей и всеобщей разумной силы предполагаетъ своего рода вѣру въ Провидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: что это за высшая цѣль, безусловно достойная *всеобщаго* желанія, искупающая всѣ жертвы, всѣ страданія исторіи? Это есть либо объективная провиденціальная цѣль, положенная человѣку волею Творца, либо же цѣль, которую самъ человѣкъ ставитъ себѣ и своимъ ближнимъ: но въ послѣднемъ случаѣ, гдѣ ручательство что цѣль эта истинна, достойна желанія *всѣхъ* людей, гдѣ ручательство, что она достижима и что въ ней — искупленіе и оправданіе исторіи? Быть можетъ, впрочемъ, эта цѣль есть вмѣстѣ объективная и субъективная, не только положенная человеку, но и предположенная въ немъ, въ его духѣ или разумѣ. Возможенъ и такой синтезъ: есть мыслители, которые признають и *сущее*, и *становящееся* Божество и видятъ смыслъ міра въ воплощеніи Сущаго въ Становящемся — въ боговоплощеніи и богочеловѣчествѣ. Но какова бы ни была конечная цѣль человѣка и человечества, человѣческій разумъ не можетъ уяснить ее себѣ, а слѣдовательно не можетъ и уяснить себѣ существованія прогресса помимо умозрѣнія о самой природѣ и значенія разума.

Есть область, въ которой прогрессъ несомнѣненъ — область разума и познанія; здѣсь человечество идетъ къ одной опредѣленной и ясной, достойной цѣли — къ истинѣ, и знаніе даетъ ему все большую и большую власть надъ природой; распространяясь въ массахъ, оно просвѣщаетъ, возвышаетъ, освобождаетъ ихъ, объединяетъ человечество единой культурой. Но развѣ наука можетъ составлять конечную цѣль человечества? Развѣ можетъ она сама по себѣ дать человеку полноту блага духовнаго и тѣлеснаго, преобразить человека и исполнѣ подчинить ему природу? Если нѣтъ, то не въ ней высшая цѣль человечества.

Человѣкъ не можетъ мыслить свою судьбу независимо отъ судьбы человечества, того высшаго собирательнаго цѣлага, въ которомъ

онъ живетъ и въ которомъ ему раскрывается полный смыслъ жизни. Индивидуальный человѣческій разумъ развивается и овладѣваетъ собою лишь въ общеніи съ другими существами; лишь въ такомъ общеніи онъ научается слову, которое есть для него не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, самообъективированія мысли; только въ общеніи съ ближними человѣкъ становится разумнымъ существомъ, актуально отличнымъ отъ безсловесныхъ, и убѣждается во всеобщемъ логическомъ значеніи своего разума. Конечно, самое общеніе людей предполагаетъ въ нихъ (потенціальную) разумность, способность взаимнаго пониманія; но разумъ дѣйствительный, актуальный, слагается лишь въ обществѣ и черезъ общеніе. Поэтому общество не можетъ разсматриваться какъ случайная сумма или внѣшній агрегатъ человѣческихъ личностей. Его члены взаимно предполагаютъ другъ друга, и если бы не существовало общественнаго цѣлаго, то не могло бы существовать и этихъ членовъ, какъ разумныхъ личностей, — могли бы быть лишь животныя особи человѣческаго вида. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общество не есть и простой естественный организмъ, въ которомъ части соединяются по бессознательнымъ физическимъ, химическимъ и біологическимъ законамъ: оно есть продуктъ „надъ-органическаго“, разумнаго развитія. Съ одной стороны оно заключаетъ въ себѣ органическую, родовую основу личной жизни, а съ другой — оно есть сверхличное, разумное, нравственное цѣлое, продуктъ собирательнаго разума. На низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія преобладаетъ бессознательное родовое начало, на высшихъ — общественныя отношенія все болѣе и болѣе подчиняются сознательнымъ разумнымъ нормамъ. Такимъ образомъ эволюція личности и общества и ихъ разумный прогрессъ взаимно обуславливаютъ другъ друга. Какова же цѣль этого прогресса?

Съ эмпирической точки зрѣнія видимой цѣлью исторіи является созиданіе совершеннаго общества; общественные союзы, появляющіеся отъ начала, вступаютъ во взаимное столкновеніе, въ общую борьбу за существованіе, въ которой выживаютъ наиболѣе прочныя, сильныя, жизнеспособныя организаціи, наиболѣе солидарныя, разумныя и культурныя. И такимъ путемъ возникаютъ государства. — Для многихъ мыслителей совершенное культурное государство, правовой, разумный союзъ людей и является высшею идеальною цѣлью человѣчества. Государство есть сверхличное нравственное существо, воплощеніе объективнаго, собирательнаго разума: это Лейбаанъ Гоббса, земное божество Гегеля. Для другихъ государство является

лишь ступеню въ объединеніи или собираніи человѣчества въ единое цѣлое, единое „Великое Существо“, le Grand Etre, какъ называлъ его Контъ. Разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіаановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга. Великое Существо будущаго, истинное земное божество или божественное общество, должно объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы. Оно одно можетъ служить конечною цѣлью человѣчества во всемъ его цѣломъ, и къ ней идутъ народы въ общекультурной работѣ своихъ государствъ, въ своихъ войнахъ, союзахъ, революціяхъ и реформахъ, въ своей промышленности, техникѣ, искусствахъ и наукѣ. Уже теперь человѣчество перестало быть отвлеченностью и стало реальною величиной, всѣ части которой находятся въ взаимной зависимости, во все болѣе и болѣе дѣятельномъ экономическомъ и политическомъ взаимодействіи между собою; уже теперь ни одинъ народъ не замыкается въ узкія рамки національнаго существованія, но живетъ и дѣйствуетъ въ одной всемирной политической аренѣ; уже теперь одна общеевропейская культура съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе утверждаетъ свое нераздѣльное господство въ мірѣ, осуждая всѣ низшія, несовершенныя культуры на вымирание или перерожденіе. Конечное единство разумѣется еще весьма далеко. Несмотря на возрастающее общеніе и сближеніе народовъ, на усиливающуюся зависимость, ихъ вражда обостряется ихъ вооруженія становятся все болѣе и болѣе грозными, хотя самая опасность истребленія будитъ всеобщую жажду мира и вызываетъ потребность въ разумной всечеловѣческой организаціи, обеспечивающей такой миръ. Но если бы конечная цѣль человѣчества лежала столь же далеко отъ настоящаго, какъ это настоящее — отъ того дикаго первобытнаго состоянія, съ котораго человѣчество начало свой путь, то и тогда человѣчество достигло бы своей цѣли. Тѣ, кто вѣрятъ въ прогрессъ и въ разумъ, видятъ въ мукахъ человѣчества родовыя муки и вѣрятъ, что оно породитъ изъ себя всечеловѣческое Великое Существо, которое осуществить въ себѣ конечный идеалъ.

Съ такой точки зрѣнія работа народовъ представляется какъ теургическая работа, а историческій процессъ, какъ длинный и мучительный теогоническій процессъ, завершеніемъ котораго должно быть рожденіе послѣдняго высшаго божественнаго эона міра. Древнія теогоніи указывали начало этого процесса въ хаосѣ и тьмѣ, изъ

которыхъ родились и первые боги народовъ; онъ протекаетъ черезъ рядъ эоновъ, черезъ поколѣнія борющихся боговъ, исполнновъ и чудовищъ, которые побѣждали другъ друга, царствовали и падали смѣняя другъ друга во власти надъ міромъ.

Въ этихъ образахъ, общихъ столькимъ народамъ, заключается какъ бы естественный апокалипсисъ человѣчества. Народы олицетворяютъ себя въ своихъ богахъ, и апокалиптика видитъ ихъ въ образѣ чудовищныхъ многоголовыхъ звѣрей, воюющихъ между собою. Подъ этими мнѣстескими видѣніями скрывается первое непосредственное сознаніе дѣйствительныхъ силъ, борющихся въ историческомъ процессѣ, тѣхъ реальныхъ „потенцій“ исторіи, которыя смѣняютъ, одолеваятъ, но не упраздняютъ другъ друга до конца. Кто побѣдитъ въ послѣдней борьбѣ? Свѣтлые боги европейцевъ, побѣдившихъ титановъ Востока и подѣлившіе между собою міръ? или возставшіе титаны, которые овладѣваютъ ихъ оружіемъ? или трудолюбивые нибелунги, подковавшіе аристократическую Валгалу боговъ и героев? Въ какомъ образѣ явится Великое Существо грядущаго человѣчества? Въ образѣ одухотвореннаго Человѣка, „Сына человѣческаго“, который будетъ „пасти народы“, или въ образѣ многоголового „звѣря“, новаго всемірнаго дракона, который растопчетъ народы, поглотитъ ихъ и поработитъ себя все?

Какъ далеко ни ушли мы отъ дрезнихъ апокалипсисовъ и теогоній, эти вопросы стоятъ передъ нами. И это не празднаыя гаданія объ отдаленномъ будущемъ, это нравственные вопросы настоящаго. Есть ли левіаанъ Гоббса, левіаанъ государства, все равно, національнаго или всемірнаго, высшая и окончательная форма человѣчества, его истинная и конечная цѣль? Неужели онъ есть земное божество, которому могутъ и должны приноситься въ жертву гекатомбы народовъ? Что дать человѣку такой левіаанъ, кромѣ увѣковѣченія его гнета и рабства? Его сила не упразднитъ внутренней розни, не создастъ братства людей; его мудрость, его просвѣщеніе и знаніе, чудеса его искусства и техники не преобразятъ человѣка, не побѣдятъ звѣря въ человѣкѣ, не избавятъ человѣка отъ его духовныхъ и тѣлесныхъ немощей, болѣзней и смерти и, главное, не искупятъ страданій и жертвъ исторіи, гибели прошлыхъ поколѣній. Но съ другой стороны можетъ ли человѣчество надѣяться на нѣчто большее и лучшее? Побѣдитъ ли оно когда-нибудь въ себя звѣря, преодолѣетъ ли оно левіаана, чтобы осуществить иной высшій и свободный союзъ? Осуществимъ ли идеалъ Церкви Христовой, идеалъ царства Божія на землѣ — единого, блаженнаго всечеловѣческаго

тѣла, идеаль одухотвореннаго, преображеннаго человѣчества, въ которомъ воплощается Божество истины и любви? Такой идеаль, безспорно, достоинъ желанія и для человѣка и для человѣчества, заключаая въ себѣ искупленіе отъ всѣхъ золъ. Но соотвѣтствуетъ ли онъ нашей природѣ, достижимъ ли онъ, составляетъ ли онъ возможную и дѣйствительную цѣль, общую, конечную цѣль человѣчества,— это зависитъ отъ того, истинно ли христіанство, и есть ли Христосъ дѣйствительное откровеніе живого смысла міра — его Логосъ или Слово. Ибо для осуществленія такого идеала недостаточно еще ограниченнаго господства разума и добра въ человѣкѣ, — нужно, чтобы разумъ и добро господствовали во вселенной.

Разумъ даетъ господство человѣку и разумомъ человѣкъ побѣждаетъ природу. Но господствуетъ ли разумъ въ мірѣ въ самой судьбѣ человѣка, и можетъ ли ограниченный, формальный умъ человѣка, обратиться въ актуальный совершенный разумъ, во всеильное божественное начало? Если разумъ господствуетъ въ мірѣ, то онъ есть начало и конецъ міра, и онъ долженъ осуществить, воплотить себя въ мірѣ, создаая самый хаосъ въ свѣтлое и разумное тѣло, въ образъ *разумнаго существа* или въ царство разумныхъ существъ. Онъ есть то Слово, которое было отъ начала, „безъ него же ничто не бысть еже бысть“.

Но если начало міра есть хаосъ и ночь, то и конецъ его — въ хаосѣ и ночи, и въ настоящемъ они должны господствовать. Хаосъ самъ изъ себя родилъ сознаніе и разумъ въ процессѣ своего движенія; ночь сама изъ себя родила свѣтъ,

Тотъ гордый свѣтъ, что мать свою, ночь,
Стремится низложить и съ мѣста гонить прочь,
Но безуспѣшно: — сколько свѣтъ ни тщится,
Бъ тѣламъ онъ лѣпится, тѣламъ красу даетъ
И вмѣстѣ съ ними гибель его ждетъ.

Какъ случай хаоса и ночи, свѣтъ сознанія, разумъ, никогда не можетъ побѣдить окончательно хаосъ и ночь темную, бессознательную основу существованія. Въ самомъ себѣ, въ глубинѣ своего духа, человѣкъ находитъ эту основу въ безотчетномъ стремленіи къ жизни, въ слѣпомъ инстинктѣ самоутвержденія, который Шопенгауеръ сводилъ къ бессознательной волѣ (*Wille zum Leben*). Разсудокъ вооружаетъ этотъ инстинктъ и служитъ особи въ борьбѣ за существованіе, въ сложномъ приспособленіи къ средѣ; онъ служитъ орудіемъ для успѣшнаго достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ особь подъ внушеніемъ своихъ инстинктовъ, и поскольку онъ